

УДК 316.72

О НЕОДНОЗНАЧНОМ ХАРАКТЕРЕ ВЛИЯНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ НА РУССКУЮ МЕНТАЛЬНОСТЬ

© В. И. Цуриков

Костромская государственная сельскохозяйственная академия

Россия, 156530 г. Кострома, Караваево, Учебный городок.

Тел.: +7 (4942) 662 564.

E-mail: tsurikov@inbox.ru

Православная этика не согласуется с либеральными ценностями и «духом капитализма». Эта несовместимость ставит пределы для темпов экономического роста православных стран и предопределяет их отставание на современном этапе от наиболее развитых протестантских и католических стран. В работе обосновывается гипотеза о решающей роли географического фактора и некоторых случайных событий в принятии Русью православия и формировании специфических для русского менталитета характерных особенностей, в частности, мессианского духа.

Ключевые слова: *менталитет, Россия, христианство, протестантизм, католичество, православие, этика, славяне, Византия, ценности, богоизбранность, культура.*

Введение

Вероятно, никто не возьмется отрицать ту огромную роль, которую играет религия в формировании национального менталитета и системы ценностей. Религия своим многовековым воздействием на сознание народа способна коренным образом изменить изначально (до принятия соответствующего вероисповедания) присущие народу ценности. Например, Н. М. Карамзин в рассуждениях о воинственности древних славян и славянок, которые «ходили иногда на войну с отцами и супругами, не боясь смерти», говоря об их храбрости, отмечает, что «хищность родила ее, корыстолюбие питало» [7, с. 79].

В целом корыстолюбие, заключенное, конечно, в законные рамки, представляет собой необходимую составляющую либеральных ценностей. Ведь под бизнесом или предпринимательством подразумевается та деятельность индивида, которая направлена на получение прибыли. Именно стремление к обогащению, к наживе заставляет предпринимателя прилагать необходимые усилия и действовать на свой страх и риск.

Что же касается православных ценностей и норм, то они несовместимы с корыстолюбием. «Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное. И еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь угольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Матфей, гл. 19, ст. 23–24).

Как всем нам хорошо известно, извести корыстолюбие христианству оказалось не под силу. Однако в отличие от протестантизма, которому удалось ввести корыстолюбие в плодотворное русло, православие не смогло удержать его от широчайшего распространения в таких антиобщественных формах как воровство, казнокрадство, коррупция.

За доказательствами обратимся к статистике европейских стран. По-видимому, не является секретом тот факт, что из всех стран Европы наиболее развиты и успешны протестантские страны, за ними идут католические, и только после них – православные. Все протестантские страны являются экономически развитыми с высоким уровнем жизни. Среди католических встречаются как высокоразвитые, так и среднеразвитые. А вот православные по-

хвастаться высоким уровнем жизни не могут. Например, среди тех европейских стран, в которых большинство жителей считает себя православными, самым высоким ВВП (по паритету покупательной способности), приходящимся на душу населения, по версии Всемирного банка обладает Греция, являющаяся в настоящее время самым слабым звеном Евросоюза. По данному параметру Греция не достигает ни одной из протестантских стран Европы и значительно уступает ряду католических стран, в частности, Австрии, Франции, Испании, Италии, Ирландии. Относительно уровня развития православных стран достаточно сказать, что в четырех из шести самых низкоразвитых стран Европы – Молдавии, Украины, Боснии и Герцеговины, Албании, Сербии и Македонии – православные жители составляют большинство населения.

Согласно данным, полученным международной неправительственной организацией Transparency International и представленным в Индексе восприятия коррупции (ИВК) за 2012 год, наименее коррумпированными государствами в мире являются Дания (свыше 85% жителей относят себя к лютеранам), Финляндия (свыше 80% жителей считают себя лютеранами) и Новая Зеландия (более 40% жителей – протестанты). В десятку государств, наименее пораженных коррупцией, также вошли Швеция, Сингапур, Швейцария, Австралия, Норвегия, Канада и Нидерланды. Как видим, в десятке наименее коррумпированных стран мира девять христианских, из которых четыре (Дания, Финляндия, Швеция, Норвегия) населены преимущественно протестантами, а все остальные, – в основном, протестантами и католиками, и ни одна не имеет католического большинства в населении. Что же касается наиболее благополучных в экономическом отношении православных стран, то они разместились в ИВК на следующих позициях: Греция – на 94-м месте, Россия – на 133-м, Румыния – на 66-м, Болгария – на 75-м, Беларусь – на 123-м месте. Другими словами, уровень коррупции в этих странах довольно высокий.

Как известно, М. Вебер сформулировал и подверг анализу вопрос о влиянии вероисповедания на возникновение и становления «духа капитализма» [3]. Важно подчеркнуть, что он не подразумевал под капитализмом простое стремление к наживе или предпринимательству. Капиталистическое ведение хозяйства, по Веберу, основано на рациональном использовании свободного труда, на ожидании возможности извлечения прибыли в результате обмена, причем обязательно в рамках постоянно действующего, ориентированного на рентабельность предприятия с непрерывно нарождающейся прибылью. М. Вебер доказывает, что успехи западной цивилизации обусловлены пуританским мироощущением и, что именно оно способствовало установлению и торжеству буржуазного рационального с экономической точки зрения образа жизни.

Протестантизм видит в труде служение «во имя славы Господней». Полезность труда определяется не внутренними побуждениями, не «душеполезностью» (как в православии), а объективной полезностью для общества и степенью доходности [8]¹. Отметим, что труд нельзя изолировать от многих других ценностей. Труд становится основной ценностью только при наличии рынка, частной собственности и закона. Обратим внимание и на то, что закон в Западноевропейской цивилизации, в отличие от закона в Восточноазиатской и Российской православной цивилизациях, выше государства.

Православию же «чужды протестантские идеи о том, что как раз в профессиональной деятельности проявляется любовь к Богу и ближнему» [8]. В православном обществе труд

¹ Глубокий сравнительный анализ протестантской, католической и православной систем этических норм и ценностей осуществила Татьяна Коваль в работе [8]. Особенности российской экономической ментальности посвящена работа Е. С. Балабановой [2].

расценивается как обуза, печальная необходимость, тяжкое бремя, а не как способ проявить себя в творчестве². Отсюда – лень, бездеятельность, неорганизованность со всеми соответствующими последствиями [16, с. 22]. Это тот самый случай, когда сознание определяет бытие. Получается, что принятие Русью православия предопределило наше нынешнее экономическое отставание от наиболее развитых стран мира.

По-видимому, мы не сделаем ошибки, если будем считать, что принятие Русью православия способствовало распространению таких несовместимых с «духом капитализма» норм, как нестяжательство, бессеребривость, обязанность поделиться с нищими³, а также специфическое отношение к труду, богатству, собственности, предпринимательству⁴. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы показать, что в таком исключительно важном судьбоносном решении, как принятие Русью православия, предопределившему, по крайней мере, на тысячу последующих лет дальнейший путь России, исключительно большая роль оказалась отведена географическому фактору. Кроме того, случайное совпадение во времени таких событий как падение Византии и освобождение Руси от монгольского ига оказало огромное значение на формирование важнейших характерных особенностей русского менталитета.

Роль географического фактора в крещении Руси

Становление Древнерусского государства в 8–9 вв. осуществлялось путем объединения завоеванных территорий и городов. По свидетельству Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» все славянские племена имели свои законы и обычаи, свои предания и нравы. Кроме того, следует учесть, что некоторые из этих племен могли ранее не платить никому дани, или же платить ее очень нерегулярно, иначе говоря, могли быть незнакомыми с регулярным налогообложением. В этом коренится одно из основных отличий становления государственности в Восточной Европе и в Западной. В Западной Европе германцы пришли на территории, жители которых уже давно привыкли к упорядоченному налогообложению, у них давно сложилось представление о едином государстве, у всех была вера в единого бога, все были знакомы с принципами греко-римского права.

² Отметим, что в отличие от протестантизма, православие никогда не смотрело на труд, как на служение во имя славы Господней. Труд рассматривался православными скорее как наказание за грехи в соответствии с Божьим проклятием: «В поте лица твоего будешь есть хлеб...» (Бытие 3, 19). Подтверждение этому легко увидеть в современных пословицах: «работа дураков любит», «работа не волк, в лес не убежит», «от работы кони дохнут» и пр. При таком отношении к труду, всякое избавление от него воспринимается как праздник. Русский язык подтверждает и это. Например, несанкционированный невыход на работы называется прогулом, а санкционированный – отгулом, т.е. обозначаются словами, производными от слова «гулять». Окончательный расчет и уход с работы или с военной службы называется увольнением или освобождением от должности, почти так же как и выход из мест заключения – освободиться или выйти на волю.

³ «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим» (Матфей, гл. 23, ст. 21).

⁴ Юрий Латов, обсуждая исторически сложившееся в России отношение к предпринимательству, отмечает, что «в классической русской литературе XIX века нет буквально ни одного в достаточной степени положительного образа предпринимателя, зато отрицательных – сколько угодно. Дореволюционные русские писатели, от А. С. Грибоедова до А. П. Чехова, считали людей, отдавших свои силы презренной материальной наживе, «мертвыми душами», рядом с которыми даже лентяй Обломов выглядит положительным персонажем. Ничего похожего на поэтизацию предпринимательства в духе О. Бальзака, Д. Лондона и Т. Драйзера в отечественной литературе нет и в помине» [9]. Сергей Лынов в своем анализе отношения к предпринимателю (барыге) отмечает, что «в общественном понимании «барыга» просто обязан делиться. Как говорил один из персонажей сериала «Бандитский Петербург»: «...мужика не трогать, но «барыгу» доить и спуску не давать». Уверенность в том, что «барыга» априори «должен денег» объединяет и мафию и власть и народ» [11].

На территориях, завоеванных киевскими князьями, всего этого не было. Так как в Киеве поклонялись богам полян и, соответственно, киевский князь находился под покровительством этих богов, то у остальных племен (вятичей, радимичей, кривичей, северян и др.) эти боги могли не пользоваться вообще каким бы то ни было уважением. Тем самым легитимность киевской власти постоянно была под сомнением. Отсюда стремление отдельных племен к сепаратизму. В 945 году княгиня Ольга (бабка Владимира – крестителя Руси) жестоко наказала древлян. Возможно, это событие на время присмирило завоеванные племена. Однако позднее Владимиру пришлось в течение двух лет усмирять вятичей, отказавших платить дань, и в 984 году радимичей – спокойных, как пишет Н. Карамзин, данников великих князей со времен Олега, вздумавших объявить себя независимыми [7, с. 154].

Своего личного опыта консолидации племен с различными племенными культурами киевские князья, естественно, не имели. Но они видели вокруг себя сильные государства, в каждом из которых была вера в единого бога. Эти примеры, по-видимому, способствовали постепенному созреванию в Киеве убеждения в том, что в едином государстве все должны поклоняться одному богу. Киевский князь вынужден был идти тем же путем, которым шли до него многие правители различных стран. Нужно было заимствовать чужую веру, ибо предпочтение, отданное какой-то одной из своих культурных традиций, могло только обострить конфликт между племенами.⁵ Как могла решаться эта проблема? Естественно, выбором одной из мировых религий. В силу географического положения и исторических условий к тем религиям, которые в 10-м веке оказывали существенное влияние на ситуацию в Восточной Европе относились следующие три: православие, католичество и ислам [4, с. 69].

Владимир, по Нестору, с удовольствием слушал болгарских мусульман, когда они рассказывали ему о прелюбодеяниях, «но вот, что ему было нелюбо: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья», особенно не понравился ему последний запрет. Вот здесь он, якобы, и произнес свое знаменитое «Руси есть веселие пить, не можем без того быть» [6, с. 289]. Л. Н. Гумилев считает, что именно эти ограничения – не есть свинину и не пить вино, и послужили причиной для неприятия ислама. Он мотивирует это тем, что в кругу приближенных князя сложилась устойчивая традиция устраивать пиры и, шире, трапезы, в которых непременно принимали участие и князь, и его дружина. Этот ритуал способствовал укреплению дружбы между князем и его воинами, и, в целом, работал на упрочнение воинского братства. Это, конечно, немаловажное обстоятельство. Однако, как представляется, исламские ограничения ничуть не суровее, чем христианские, категорически запрещающие всякое прелюбодеяние и уж тем более многоженство, что дозволяется в исламе. Владимир же отличался необычным женолюбием.

По-видимому, можно сделать вывод о том, что некоторое влияние на выбор религии эти мусульманские запреты оказали, но все же представляется, что далеко не самое главное. Что касается католичества, то на вопрос Владимира: «в чем заповедь ваша?» посланцы Рима ответили: «Если кто пьет или ест, то все это во славу Божию». Владимир же несколько неожиданно вдруг заявляет: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого» [6, с. 289]. Л. Гумилев объясняет слова Владимира следующим образом. В 10-м веке на святой престол в Риме всходили весьма порочные папы⁶. Занявший престол в 955-м году Иоанн XII «превра-

⁵ Интересно отметить, что если безоговорочно принять летописную версию о призвании варягов, то просматривается некоторая аналогия между потребностью в едином правителе, взятом со стороны, и потребностью в единой вере и едином боге, также позаимствованными извне.

⁶ В начале 10-го века в Риме была велика роль семьи Теофилактов. Сначала глава этой семьи возвел на папский престол своего близкого друга, принявшего имя Сергия III (904–911), который сразу же приказал задушить двух

тил Лютеранский дворец в публичный дом» [10, с. 83]. Гумилев отмечает, что если бы папа ограничивался только пьянством и женолюбием, то это было бы еще полбеды. «Но римский первосвященник давал пиры с возлияниями в честь древних языческих богов и пил за здоровье Сатаны. Конечно, вести о таких «подвигах» достигали Руси» [4, с. 72]. И вот в это время, а точнее, в 961 году «на Русь прибыл епископ Адальберт с миссией крещения княгини Ольги и киевлян». Миссия эта потерпела неудачу. По мнению Гумилева, на эту неудачу и намекнул Владимир римским посланцам через четверть века в 986 году.

Итак, что же явилось основной причиной принятия греческой веры? Представляется, что основная причина состоит в том, что, во-первых, в 9–10 веках Византия еще оставалась богатой, могущественной и культурной державой, а, во-вторых, ее связывал с Русью достаточно удобный и многократно апробированный как в процессе многократных военных, так и бесчисленных торговых предприятий путь «из варяг в греки». Именно богатство Византии, возможность с ней выгодно торговать или же удачно ее грабить, благодаря существованию этого пути, явились не только причиной принятия Русью православия, но становлением самой Киевской Руси.

Действительно, чем был Киев до Рюриковичей? Небольшим городком. Почему он стал столицей, «матерью городов русских» и даже превратился к середине 11-го века в один из крупнейших городов Европы? Киев стоял на берегу Днепра, на великом пути из «варяг в греки». Фактически вся Русь обслуживала этот путь. После захвата Киева Олег первым делом наложил дань на многие племена. А затем в 907 году Олег пошел на греков. В летописи говорится, что пошел на конях и кораблях числом две тысячи. В 941 году на Византию пошел Игорь уже на 10 тысячах кораблей. Вероятно, здесь имеется некоторое преувеличение, но такое же число приводит и византийский источник. В 944 году Игорь повторил поход. Жители Крыма послали императору сообщение: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море корабли». О размерах судов говорит тот факт, что каждое вмещало от 40 до 100 воинов⁷.

Теперь учтем, что все эти корабли нужно было строить, ремонтировать, смолить, оснащать, шить и чинить для них паруса, изготавливать для них весла взамен сломанных и утерянных. Для всего этого требовалась целая «промышленность». Поэтому Киев быстро рос. Поэтому все князья стремились занять киевский стол. Так было до утраты Византией своего величия⁸ и соответствующего падения значения пути «из варяг в греки». С падением же значения пути понизилось и значение Киева, а затем и его статус. В результате, у потомков Рюрика исчезло стремление княжить в Киеве и на его смену пришло желание князей «приватизировать сегмент государства», что и обусловило междоусобицу.

Славяне имели достаточно ясное представление о Византии. Все правители Киева, начиная с Аскольда и Дира, и Олег, и Игорь, и Ольга, и Святослав, и Владимир бывали в Византии,

своих предшественников Льва V и Христофора. От него у дочери Теофилакта Марозии родился сын, ставший в 25-летнем возрасте папой Иоанном XI (931–935), причем его предшественники папы Иоанн X, Лев VI и Стефан VIII были ликвидированы фактически его матерью. Перед этим Марозия возводила на папский престол своих любовников в качестве «временных» пап. Другой сын Марозии Альберих организовал бунт против матери и заключил ее и ее сына папу Иоанна XI в тюрьму. Альберих не допускал в течение ряда лет папских выборов, а совершенно открыто назначал пап сам. В 18-летнем возрасте его сын, внук Марозии, стал папой Иоанном XII (955–964) [10].

⁷ Конечно, не следует думать, что Русь постоянно находилась в состоянии войны с Византией. Постоянными были интенсивные торговые отношения. В те мирные договоры, которые заключали с византийскими императорами киевские князья, входили статьи, регламентирующие отношения с купцами.

⁸ Константинополь был взят крестоносцами в 1204 году, в результате чего Византийская империя распалась на несколько государств. В 1453 году Константинополь пал под ударами Османской империи, и Византия прекратила свое существование.

причем некоторые из них, неоднократно. Киевляне начали принимать православие, по крайней мере, за сто лет до крещения Руси. В Киеве в середине 10-го века уже существовала многочисленная христианская община. С 944 года в Киеве уже стояла церковь святого Ильи.

С другой стороны, Византия была заинтересована в том, чтобы обратить Русь в свою веру. Византия нуждалась в мире с Русью. Император Иоанн Цимисхий в своем послании к Святославу, когда тот с войсками продвигался к Константинополю, предлагал ему остаться друзьями и призывал не нарушать «заключенного в давние времена мира»⁹. Императоры Византии неоднократно обращались к киевским князьям с просьбой об оказании военной помощи. После посещения Ольгой Константинополя между Русью и Византией надолго воцарился мир. Русские либо в качестве союзников, либо наемников принимали участие в военных походах Византии в Сирию, Францию, Италию.

Следует отметить еще одно порожденное геополитической ситуацией обстоятельство, которое поспособствовало принятию православия. Дело в том, что принятие чужой, греческой, веры влекло за собой определенную духовную и моральную зависимость от Византии. Поэтому подобное насильственное принуждение населения к принятию чужого бога могло отрицательно сказаться на персональной легитимности самого крестителя [1, с. 77]. Совсем другое дело, если бы князь взял новую веру силой, как победитель берет трофей. По словам Н. Карамзина, Владимир не хотел унижаться «искренним признанием своих языческих заблуждений и смиренно просить крещения: он вздумал, так сказать, завоевать Веру христианскую и принять ее святыню рукою победителя» [7, с. 158].

Случай представился. Императоры Византии братья Василий II и Константин VIII попросили Владимира оказать им помощь в борьбе с самозванцем. Согласно договоренности русское войско посылалось в Византию и оказывало необходимую помощь, за что князь получал в жены сестру императоров Анну при условии крещения его и всей Руси. Войско Владимир послал, мятеж был подавлен, самозванец убит, а вот греки с выполнением договоренности не спешили.

Тогда Владимир во главе большого войска осадил в Крыму греческий город Херсонес (Корсунь). Почти чудом с помощью нежданного предателя город удалось принудить к сдаче. Императоры были вынуждены уговорить Анну дать свое согласие и отправить ее в Херсонес, где Владимир весной 988 года и принял крещение.

Как видим, географическое положение Руси, ее возможность быстро прислать на помощь Византии варягов сыграли свою важную роль в принятии Русью православия. Конечно, русские славяне поддерживали торговые и другие отношения не только с Византией, купцы ходили и к арабам, и в католические страны, но объемы торговли и насыщенность контактов с Византией в те времена были гораздо выше. Причем выше, благодаря существованию удобного и хорошо освоенного водного пути к Византии, самой культурной стране Европы, сохранившей еще к тому время свое могущество.

Теперь обсудим некоторые последствия этого крещения, оказавших ключевое влияние на формирование специфических для русского менталитета особенностей. При этом мы не будем акцентировать внимания на благотворных последствиях.

Гипертрофированное представление о богоизбранности

Прежде всего, следует отметить, что к концу 10-го века Византийская империя начала клониться к своему закату. Собственно, согласие императоров на выдачу царевны Анны за-

⁹ Вероятно, что речь идет о русско-византийском договоре, заключенном с князем Игорем (отцом Святослава) в 944 году.

муж за Владимира и было обусловлено началом упадка империи. Получилось так, что Русь подхватила знамя православия из рук слабеющей Византии и затем после ее гибели стала ощущать себя ее духовной правопреемницей. Это ощущение подогревалось духовной изоляцией Руси от Запада, так как еще в 983 году, т.е. до крещения Руси, в католическом мире было принято решение о войне против греков и сарацин. Подобное уравнивание мусульман с православными христианами «делало вполне реальной угрозу католического натиска на Восток, в том числе и на Русь». И на Руси во второй половине 10-го века это хорошо понимали, потому что прецеденты уже были [4, с. 70].

В 11-м веке в Киевской Руси стала складываться идея об особом положении русского народа в мире, идея о том, что Господь, даровав русским православие, будет больше с них спрашивать и строже наказывать за грехи [5]. В летописи Нестора рассказывается о том, как апостол Андрей прибыл на Днепр и стал под горами на берегу. «И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился богу, и сошел с горы этой, где возник впоследствии Киев...» [6, с. 271].

Сама по себе подобная идея об особом избрании богом того или иного народа либо государства не является каким-то уникалом. Многие народы и государства считали себя избранными, особо ответственными перед богом, миром, человечеством за сохранение или распространение определенных идей, учений, религий среди других народов. С. А. Зеньковский указывает на то, что теократическая идея избранности была хорошо известна еще в дохристианские времена, т.е. до новой эры. О ней, в частности, говорил пророк Даниил: «...Бог небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (Даниил, гл. 2, ст. 44).

Римские императоры, после принятия христианства, считали этим царством Римскую империю. Византийцы сначала называли себя «Вторым Римом»¹⁰. Но после раскола христианства на католичество и православие византийцы стали считать Константинополь столицей единственной христианской империи. Запад, в свою очередь, считал, что только католический мир во главе с папой римским является подлинным христианским миром.¹¹

Идея богоизбранности, свойственная на разных этапах своего развития различным народам, не обязательно должна принять гипертрофированную форму, как это произошло с Россией. В истории России большую роль, по-видимому, сыграло совпадение во времени двух вроде бы независимых между собой событий: гибель Византии и распад Золотой Орды. Дело в том, что в 1439 году, незадолго до окончательного падения Византии под ударами турок, византийский император обратился, вероятно, от полного отчаяния, за помощью к папе с предложением организовать поход в Малую Азию против турок. Папа Евгений IV выставил ряд условий. В конце концов, византийский император заставил

¹⁰ В 451 году на Халкидонском соборе было принято постановление, согласно которому «всякое первенство и особый почет признаются за архиепископом Рима, но что такое же первенство и такой же почет признаются и за архиепископом Нового Рима (Константинополя), рукополагающего митрополитов Азии, Понта и Фракии» [10, с. 34–35].

¹¹ Официальное размежевание церквей произошло в 1054 году, когда папские представители, прибывшие в Византию, предали константинопольского патриарха Михаила Керулария анафеме. Обе церкви претендовали на значение вселенской («католической» по латыни, «кафолической» по-гречески). Греко-кафолическая церковь стала также называться православной (правоверной, ортодоксальной) [10, с. 87].

греческих священников принять все условия, в том числе, признать главенство папства над всей христианской церковью. Помощи Византия не получила и через 14 лет была полностью завоевана турками.

Москва, в отличие от Константинополя, отвергла претензии Рима и осталась верной православию. Поэтому падение Византии, естественно, было расценено Москвой и всей Русской Православной церковью как справедливое наказание за отступление от единственно светлой веры. Кроме того, скорое избавление от Золотой Орды добавило уверенности в том, что Господь, наказав изменников-греков, наградил Русскую землю за ее преданность православию. Таким образом, по словам Зеньковского «внезапное исчезновение грозной татарской империи поразило русских людей, привыкших со страхом взирать на эту страшную угрозу с Востока. Но еще большее впечатление произвело на них то странное совпадение, что Русь выросла в могучую и свободную от азиатских завоеваний страну как раз в то же время, когда Византия, бывшая в течение столетий главным источником культуры, веры и государственных норм для русских, пала под ударами более южных тюрков, создавших Оттоманскую империю. Падение Константинополя в 1453 году невольно привело к тому, что в умах русских людей зародилась мысль, что теперь сам Господь предназначил молодой Руси стать преемником византийских императоров в деле защиты православия, хранения самых чистых заветов Христа» [5]. С этого времени греков стали отодвигать от руководящих церковных должностей на Руси, и уже «около 1480 года у нас в архиерейскую присягу было включено обещание не принимать греков ни на митрополию, ни на епископию» [12, с. 191].

А. П. Прохоров подчеркивает, что почти каждый правитель России попадал прямотаки в своеобразный плен собственных амбиций чуть ли не планетарного масштаба. «Совсем еще неопытный царь Петр I в составе «великого посольства» едет по Европе, намериваясь разом включить русское государство в так называемый «большой политик». Екатерина II, будучи главой государства, в котором людей продавали как скот, а телесные наказания применялись повсеместно и по любому поводу, всерьез пыталась сделать Петербург культурной столицей Европы. Павел I, получив долгожданный трон, посылает донских казаков в поход на Индию. В своем рескрипте атаману Орлову он пишет: «Англичане имеют у них свои заведения... то и цель – все сие разорить и угнетенных освободить и ласкою привести России в зависимость. Мимоходом утвердите Бухарию, чтоб китайцам не досталась». Николай I послал армию на подавление мятежа в другой стране (Венгрии), подарил целый флот испанской монархии для борьбы с восставшими колониями в Южной Америке, так как считал себя и свою страну ответственными за поддержание порядка во всем мире. Едва взяв власть в разваливающемся государстве, большевики не только поставили задачу сделать Россию центром мировой революции, но сразу же стали решать ее» [12, с. 313–314]. Как тут не вспомнить слова Н. Бердяева об ушибленной ширью русской душе.

Мессианский настрой и интернациональный долг

Со временем «русский церковный патриотизм» разовьется в учение об особом мессианском пути русского народа. В 1492 году митрополит Зосима заявляет в своем послании Ивану III, что тот стал наследником вселенской религиозной миссии византийских императоров и называет его «новым царем Константином нового града Константинополя – Москвы и всея Руси» [5]. Русская земля в глазах населения превращается в Святую Русь, в то самое царство, о котором говорил пророк Даниил, а Москва – в третий Рим. Крепнет убеждение в том, что русское православие самое чистое и самое святое.

Можно думать, что эта вера породила особый русский патриотизм. С одной стороны, это неприкрытая любовь к Русской земле, ярко выраженная С. Есениным:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою!»

Эта любовь к своей стране, любовь только за то, что эта страна – Россия, отличается не просто некоторой иррациональностью, но и неким душевным надрывом, характерным для русского человека. Вот, например, стихи современного нам поэта.

Не умирай, моя страна!
Под злобный хохот иноверца
Не умирай! Ну, хочешь, на!
Возьми мое больное сердце.¹²

С другой стороны, на русских людей, побывавших за границей, смотрели с подозрением и недоверием. Казалось бы, чего бояться при таком патриотизме? Б. А. Успенский так трактует эту особенность. «Все пространство делится в древнерусской культуре на чистое и нечистое. Пребывание в чистом пространстве есть признак святости, ...пребывание в нечистом, напротив, – признак греховности. ...Соответственно, древнерусский духовник спрашивал на исповеди: „В татарех или латынях в полону или по своєю волею не бывал ли еси?“ ...или даже „В чюжую землю отъехати не мыслил ли еси?“ ...и накладывал епитимью на того, кто был в плену или же случайно („нуждою“) оказался в нечистой земле» [14]. Это древнерусское анкетирование не только сохранилось до 20-го века, но и значительно расширилось в Советском Союзе. В разнообразных анкетах, заполняемых по самым различным поводам – при устройстве на работу, поступлении в вуз, поездке за рубеж и пр., – подобные вопросы относились уже не только к самому анкетуемому, но и к его родственникам. А. Прохоров совершенно справедливо связывает сталинские репрессии в отношении военнопленных и тех соотечественников, которые побывали за рубежом, с этой особенностью русского менталитета.¹³

Мессианский настрой русского человека со временем выработал в нем убежденность в том, что он лучше других знает, как всем надо жить, причем знает априорно, и более того, выработал желание помочь другим народом, причем, нисколько не интересуясь, а нужно ли им это. В Советском Союзе даже появилось соответствующее словосочетание: интернациональный долг. Вот довольно точно характеризующий его пример.

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.¹⁴

¹² Николай Александрович Зиновьев. Обращение к стихотворной форме обусловлено тем, что именно поэт лучше всего способен вербальным способом выразить душу народа.

¹³ Согласно мнению О. Л. Шахназарова, запреты на различные контакты с иностранцами, в том числе на браки с ними «и на разные заимствования «чуждого образа жизни» имели длинные корни. Сам термин «чуждый образ жизни» был рожден в 1551 г. на Стоглавом Соборе русской церкви, с которого началось строительство «железно-го занавеса» для обособления истинно верующих от падшего мира» [15].

¹⁴ М. А. Светлов Гренада. Интересно отметить, что в нашем любимом (особенно, нашими космонавтами) фильме «Белое солнце пустыни» главный (положительный) герой по-отечески обещает женщинам Востока, попавшим под его опеку, что у каждой будет отдельный супруг, причем, нисколько не интересуясь, а надо ли им это. В настоящее время подобным свойством в некоторой степени страдают американцы из США. Они стремятся навязать демократию западного типа тем странам, в которых она в принципе не может прижиться.

Мессианский настрой, смешавшийся в русской душе с ушибившей ее ширью, породил некий своеобразный сплав, который заставляет человека мечтать о счастье для всех сразу, причем не просто мечтать. Русский человек готов горы свернуть во имя счастья всего человечества¹⁵. Наверное, это неплохое свойство, если бы только оно не было столь однобоким и не принимало такие уродливые формы как у нас. Убежденность русских в особом мессианском пути России не только не была поколеблена в 20-м веке в результате разрушения того фундамента, на котором она возникла – православия, и на смену которому пришли атеизм и вера в светлое коммунистическое будущее, а напротив, достигла своего максимального накала.

И снились мне индусы на тачанках,
И перуанцы в шлемах и кожанках,
Восставшие Берлин, Париж и Рим,
Весь шар земной, Россией пробужденный,
И скачущий по Африке Буденный,
И я, конечно, – скачущий за ним.¹⁶

Нужно подчеркнуть, что это стремление пробудить и облагодетельствовать весь земной шар зачастую сочетается с нежеланием оказать помощь своему ближнему – соседу, коллеге, родственнику, да и самому себе русский человек помочь то ли не может, то ли не хочет. Для мелких повседневных забот русская душа слишком широка. С одной стороны – все люди братья, а с другой стороны, ограниченность материальных ресурсов ставит пределы для истинно братского отношения. Пресловутый «квартирный вопрос» постоянно вносит свои коррективы.

Правовой нигилизм и языческое беззаконие

Еще одно важное следствие принятия православия, точнее говоря, даже не следствие, а сопутствующее ему обстоятельство состояло в том, что крещение Руси, рассматриваемое в контексте культурного заимствования, было осуществлено в отрыве от всего культурного достояния. Христианство в Византии было органично связано с греко-римской правовой культурой, которая досталась Византии в качестве наследства от распавшейся Римской империи. В труде Ахиезера с соавторами подчеркивается, что эта выборочность заимствования отнюдь не была обусловлена недомыслием Рюриковичей или иерархов русской церкви. Избирательность в освоении культурного достояния Византии была обусловлена тем, что Киевской Русью византийская культура в сколько-нибудь полном виде просто не могла быть освоена. «Более того, само по себе христианство, даже в очищенном от античных примесей виде, осваивалось с трудом, ибо накладывалось на архаичное родовое сознание князей» [1, с. 82] и населения.

В написанном в середине 11-го века митрополитом Иларионом, первым из русских священников возглавившим Русскую Православную церковь, «Слове о законе и благодати» противопоставляются друг другу закон и вера. Причем закон ставится ниже благодати. Иларион считал, что время закона прошло (правда, под законом он понимал не юридические законы Византии, а законы Моисея), а на смену его пришло христианство. «Ибо Закон – предтеча и слуга Благодати и Истины, Истина же и Благодать – служители Будущего Века, Жизни Неплотной» [13].

¹⁵ Братья Стругацкие нашли очень точную формулировку: «Счастья – всем, даром, и пусть никто не уйдет обиженным».

¹⁶ Е. Евтушенко. Братская ГЭС.

А. Ахиезер с соавторами полагают, что в этой работе Илариона проявились как его неспособность к освоению зрелой правовой культуры, так и стремление освободиться из-под духовной зависимости от Византии путем противопоставления ее юридическо-правовой практике, не имевшей места в Киевской Руси, духовного начала. «Закон – универсальный регулятивный принцип зрелой культуры, предполагающий развитие логического мышления, умение оперировать абстракциями и их конкретизировать, овладение искусством интерпретации, судебной дискуссии, освоение процедуры правоприменения. Древнерусский язычник не мог освоить правовую культуру, стадийно отстоявшую от него на две исторические эпохи – античную и христианскую» [1, с. 84].

Вот это языческое беззаконие оказалось очень устойчивым в России. До конца оно не изжито до сих пор. В Советском Союзе понятие благодати сменилось понятиями революционного правосознания и революционной целесообразности. Вот цитата из «Ежегодника советской юстиции» 1922 года: «Значит ли, что с изданием писаных законов революционное правосознание как база решений и приговоров сдается в архив? Отнюдь нет. Революцию в архив никто не сдал, и революционное правосознание должно красной нитью проходить в каждом приговоре и решении, оно лишь ограничено писаными нормами, но оно не упразднено» [12, с. 117].

Это, так сказать, установка теоретика. А вот мнение практиков. В сентябре 1917 года П. И. Стучка, в недалеком будущем советский нарком юстиции, писал: «Когда надо избавиться от противника революции, есть только одно средство – революционный трибунал, который руководствуется только политической совестью, а не лицемерной ссылкой на закон» [12, с. 117]. Член коллегии ВЧК М. Я. Лацис в 1918 году наставлял коллег: «Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, каково его образование и какова его профессия. Эти вопросы должны решить судьбу обвиняемого» [12, с. 117].

О. Л. Шахназаров усматривает в теории и практике большевиков такое сходство с христианскими догмами, что называет РКП(б)-ВКП(б)-КПСС не политической партией, а «*псевдоцерковью* – Русской коммунистической церковью (РКЦ), выросшей из *квазиатеизма* – веры в осуществление христианского идеала людьми на земле» [15]. Воспринимая церковь как соперника в борьбе за души людей, большевики во многом следовали догматам христианства. Сначала «страна была посажена за парты, для того чтобы, научившись грамоте, каждый мог припасть к живительному источнику спасительной истины. Проповедничество, названное агитацией и пропагандой, приобрело гигантские масштабы» [15]. При этом партия решала, что можно читать, а что нельзя, что можно говорить – что нельзя и т.п. Эта цензура также лежала в русле христианских традиций.¹⁷ Просто до 1917 года цензура находилась в руках церкви, а после 1917 года – в руках партии большевиков.

Что касается насилия и осуждения, то здесь также хорошо просматриваются параллели между церковью и партией большевиков. Отношение к еретикам и со стороны церкви, и со стороны советского государства было примерно одинаковым. И там и здесь для получения доказательств использовались пытки. Причем, что немаловажно отметить, еретики преследовались настойчивее и подвергались более строгим наказаниям, чем простые уголовники. Аналогично и во времена правления И. Сталина уголовники счита-

¹⁷ Церковь поступала в полном соответствии со Священным Писанием, ибо в Первом послании Петра имеется следующее наставление: «...кто любит жизнь и хочет видеть добрые дни, тот удерживай язык свой от зла и уста свои от лукавых речей» (1-е Петра, гл. 3, ст. 10).

лись чуть ли не своими, в противоположность инакомыслящим – социально чуждым элементам. Они объединялись с лагерным начальством для совместного преследования инакомыслящих (политических). И эта практика полностью согласуется с христианскими догматами: «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку; а хула на Духа не простятся человеку»¹⁸ (Матфей, гл. 12, ст. 31).

Заключение. Крещение как выбор определенной модели развития

Если рассматривать, согласно концепции Ахиезера с соавторами, принятие Русью православия, как частичное заимствование чужой культуры в целях дальнейшей интенсификации собственной, иначе говоря, в целях придания собственной культуре новых импульсов для последующего саморазвития, то его нельзя признать достаточно успешным. Русь не смогла усвоить эту частично заимствованную культуру настолько, чтобы в дальнейшей истории перейти к интенсивному саморазвитию. Отметим, что в отличие от Руси, тем германским племенам, которые пришли на смену Римской империи, это удалось – пусть не сразу и не просто.

Крещение Руси явилось первым крупным сознательным актом в модернизации жизненного уклада путем интенсификации за счет внешнего культурного заимствования. Однако этот культурный ресурс не пошел впрок в той степени, в которой он был бы достаточен для создания предпосылок и инноваций, необходимых для дальнейшего интенсивного развития. В этом смысле принятие православия можно рассматривать как очередной шаг на пути экстенсивного развития. В дальнейшем России будет суждено опять раз за разом по мере осознания своего отставания от развитых стран прибегать к этой практике заимствования «новых, более современных культурных ресурсов и воспроизведения на их основе прежней экстенсивной парадигмы» [1, с. 80]. Поэтому крещение Руси можно расценивать не только в качестве некоего нового начала (новой точки отсчета) в истории российского государства, но и как выбор определенной модели его развития, которая сохранится и в 20-м веке, несмотря на то, что и христианство и православная церковь будут ею на данном этапе отброшены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. *История России: конец или новое начало?* М.: Новое издательство, 2005. 708 с.
2. Балабанова Е. С. Особенности российской экономической ментальности // *Мир России*. 2001. №3. С. 67–77.
3. Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма*. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Гумилев Л. Н. *От Руси к России*. М.: АСТ, 2003. 397 с.
5. Зеньковский С. А. *Русское Старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века* // Седьмица. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439463/>

¹⁸ Вот два уточнения: «Кто не со Мной, тот против Меня...» (Матфей, гл. 12, ст. 30) и «Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Матфей, гл. 12, ст. 32). Шахназаров отмечает еще одно сходство между партией большевиков и церковью. Любовь к богу расценивается христианством выше привязанности к близким. Более того, ради любви к богу «предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их», «и враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Матфей, гл. 10, ст. 21, 36, 37). Шахназаров подчеркивает, что синдром «Павлика Морозова» известен на Руси с 1681 года. Этим годом датируется донос, поданный новгородскому воеводе от некоего дворянина с обвинениями матери и двух двоюродных братьев «в хуле на Церковь». В результате пыток были выявлены и другие еретики. «В итоге 20 человек было казнено» [15]. Аналогично, в Советском Союзе, по крайней мере, до середины века, преданность партии котировалась несравненно выше любви к близким. Иначе говоря, родство по вере расценивалось выше родства по крови.

6. *История государства Российского: Хрестоматия. X–XIV вв.* / Сост. Г. Е. Миронов. М.: Книжная палата, **1996**. 383 с.
7. Карамзин М. Н. *История государства Российского*. Книга 1. Т. I–III. М.: РИПОЛ классик, **1998**. 736 с.
8. Коваль Т. Б. Этика труда православия. // *Общественные науки и современность*. **1994**. №6. С. 55–70.
9. Латов Ю. В. Антикапиталистическая ментальность россиян – барьер на пути к легализации. // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. **2003**. №3. С. 64–70.
10. Лозинский С. Г. *История папства*. М.: Политиздат, **1986**. 382 с.
11. Лынов С. *Наброски о русской ментальности* // Мир психологии. URL: <http://psychology.net.ru/articles/content/1127409719.html>
12. Прохоров А. П. *Русская модель управления*. М.: Журнал Эксперт, **2002**. 376 с.
13. *Слово о законе и благодати митрополита Илариона* // Древнерусская литература. URL: <http://old-russian.chat.ru/13ilarion.htm>.
14. Успенский Б. А. *Дуалистический характер русской средневековой культуры* // Энциклопедия культур. URL: http://ec-dejavu.ru/j/Journey_Russia.html.
15. Шахназаров О. Л. Советское общество 1917–1953 гг.: аномалия или закономерность? // *Вопросы философии*. **2004**. №10. С. 33–46.
16. Ясин Е. Модернизация экономики и система ценностей // *Вопросы экономики*. **2003**. №4. С. 4–36.

Поступила в редакцию 13.10.2013 г.

ABOUT AMBIGUOUS INFLUENCE OF ORTHODOXY ON RUSSIAN MENTALITY

© V. I. Tsurikov

*Kostroma State Agricultural Academy
Akademgorodok st., 156530 Karavaevo, Kostroma, Russia.
Phone: +7 (4942) 662-564.
E-mail: tsurikov@inbox.ru*

Orthodox ethic is inconsistent with liberal values and the spirit of capitalism. This incompatibility sets limits on the rates of economic growth in Orthodox countries and determines their backlog from the most developed Protestant and Catholic countries at the present stage. In this paper is examined the hypothesis of the decisive role of geography and some random events in the adoption of Orthodox Russia and the formation of specific characteristics of Russian mentality, in particular, the messianic spirit. The adoption of Orthodoxy by Rus is viewed in accordance with concept of Akhiezer and his co-authors as a partial borrowing of foreign culture for further development of its own culture. From this point of view such borrowing was not sufficient. Unlike Germanic tribes Rus did not succeed in adoption enough to start a new period of cultural self-development. The Baptizing was a large-scale intentional action for modernization of Rus life-style through intensifying with a help of cultural borrowing. But this potential was not enough for genesis of innovations that required for further intensive development. Thus the Baptizing can be viewed as a step on the way of extensive development. In the future Russia would use same practice of adopting "modern, more advanced cultural resources and reproducing on their basis the same extensive paradigm" (Akhiezer A., Kliamkin I, Yakovenko I. History of Russia. The End or New Beginning? M., 2005). The Baptizing can be considered not only as some kind of start for Russian history but also as a choice of development pattern. This pattern would persist even in 20th century in the period when Christianity and Orthodox church would be discarded.

Keywords: *Mentality, Russia, Christianity, Protestantism, Catholicism, Orthodoxy, Ethics, Slavs, Byzantium, values, Chosen by God, Culture.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Tsurikov V. I. About Ambiguous Influence of Orthodoxy on Russian // *Liberal Arts in Russia*. 2013. Vol. 2. No. 5. Pp. 411–425.

REFERENCES

1. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. *Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo? [History of Russia: the End or a New Beginning?]* Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. 708 pp.
2. Balabanova E. S. *Mir Rossii*. 2001. No. 3. Pp. 67–77.
3. Veber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]*. Moscow: Progress, 1990. 808 pp.
4. Gumilev L. N. *Ot Rusi k Rossii [From Rus to Russia]*. Moscow: AST, 2003. 397 pp.
5. Zen'kovskii S. A. *Sed'mitsa*. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439463/>
6. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: Khrestomatiya*. X–XIV vv. [History of the Russian State: Anthology. 10th-14th Centuries] / Sost. G. E. Mironov. Moscow: Knizhnaya palata, 1996. 383 pp.
7. Karamzin M. N. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian State]*. Kniga 1. T. I–III. Moscow: RIPOL klassik, 1998. 736 pp.
8. Koval' T. B. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1994. No. 6. Pp. 55–70.

9. Latov Yu. V. *Neprikosnovenniy zapas. Debaty o politike i kul'ture*. **2003**. No. 3. Pp. 64–70.
10. Lozinskii S. G. *Istoriya papstva [History of the Papacy]*. Moscow: Politizdat, **1986**. 382 pp.
11. Lynov S. *Mir psikhologii*. URL: <http://psychology.net.ru/articles/content/1127409719.html>
12. Prokhorov A. P. *Russkaya model' upravleniya [Russian Management Model]*. Moscow: Zhurnal Ekspert, **2002**. 376 pp.
13. Slovo o zakone i blagodati mitropolita Ilariona. *Drevnerusskaya literatura*. URL: <http://old-russian.chat.ru/13ilarion.htm>.
14. Uspenskii B. A. *Entsiklopediya kul'tur*. URL: http://ec-dejavu.ru/j/Journey_Russia.html.
15. Shakhnazarov O. L. *Voprosy filosofii*. **2004**. No. 10. Pp. 33–46.
16. Yasin E. *Voprosy ekonomiki*. **2003**. No. 4. Pp. 4–36.

Received 13.10.2013.